Мейерхольд Вс. Э. I-90.

Учительская газета № 5 ● январь 1990. – С.11.

СПЕЦХРАН

Прекрасную возможность увидеть Мейерхольда первых послереволюционных лет дает небольшая книжка, написанная еще в 1926 году И. А. Аксеновым. В ней рассказано о первых сезонах театрального коллектива, созданного Мейерхольдом в Москве и носившего его имя (Театр имени Вс. Мейерхольда сокращенно назывался ТИМ, а с 1926 года — ГосТИМ). Поэт и педагог, один из ближайших сподвижников Мейерхольда, И. Аксенов с веселым азартом и с пристрастной прямотой, не пряча симпатий и антипатий, написал своеобразные мемуары о Мейерхольде и его сподвижниках.

Книжка писалась к задуманному Мейерхольдом празднованию пятилетнего юбилея ТИМа. Рукопись была своевременно набрана и сверстана, но тем дело и ограничилось, в свет она — не из-за своей ли воинственной и непринужденной откровенности! — не вышла. Верстка осела в существовавшем при ГосТИМе музее, а затем вместе с другими материалами перекочевала в Центральный государственный архив литературы и искусства. Стараниями директора гостимовского музея В. Я. Степанова уцелел и машинописный экземпляр авторской рукописи; на его титульном листе Степанов, стремившийся во что бы то ни стало хранить все, в чем отразилась жизнь ГосТИМа, сделал пометы: «Секретно» и «Не выдается».

Публикуем с некоторыми сокращениями начальные страницы этого полуисторического, полумемуарного очерка, посвященные Театру РСФСР Первому, созданному Мейерхольдом в сезон 1920/21 года: недолгую жизнь этого коллектива ГосТИМ включал в свою бурную и изменчивую историю.

Мы публикуем этот материал в канун трагической даты — 2 февраля 1940 года в Москве в подвалах Военной коллегии был расстрелян один из величайших деятелей мирового театра Всеволод Эмильевич Мейерхольд.

Начало ТИМа

Из неопубликованной книги Ивана Аксенова «Пять лет театра имени Вс. Мейерхольда»

В СЕНТЯБРЕ 1920 года В. Мейерхольд, бывший тогда в Новороссийске, назначается заведующим театральным отделом Наркомпроса. Назначение это было принято московским театральным миром со значительным удовлетворением. Мейерхольда знали как знаменитого режиссера, помнили его как блестящего актера старого МХАТа и придавали особое значение тому, что во главе театрального дела республики будет поныне и впервые за все время революции стоять «свой, театральный человек»... Предполагалось, что Мейерхольд будет осуществлять ту или иную свою режиссерскую работу в том театре, который он найдет для нее наиболее подходящим. Самый характер работ тоже не подлежал сомнению. Занятому человеку некогда придумывать новое: Мейерхольд будет работать над возобновлением своих старых постановок; никто не имел ничего против «Дон Жуана» или «Маскарада», москвичам не с руки было ехать смотреть их в Ленинград, увидать их на одной из местных сцен устраивало всех...

Повторяю, деятельность Мейерхольда представлялась как деятельность реставрационная.

Однако по приезде Мейерхольда в Москву обнаружилось одно печальное обстоятельство: побывавший в белогвардейских лапах мастер потерял всякую способность различать оттенок разницы в понятиях «реставрация» и «контрреволюция».

...Одним из очередных мероприятий Мейерхольда было расширение комиссии, уже существовавшей при ТЕО и имевшей задачей переработку существующих сценических текстов в духе революционного спектакля... Сама комиссия была переименована в «Мастерскую коммунистической драматургии», в просторечии же МАСТКОМДРАМ. Московские театры, делавшие сборы на «Поташе и Перламутре», с ужасом ожидали результатов этого очередного мейерхольдовского «большевистского зверства».

Другим «зверством» было намерение Мейерхольда организовать собственный театр, построенный на новых началах и имеющий целью служить образцом достойного революции театра...

Театр, основанный В. Мейерхольдом, принял название Театра РСФСР Первого. По тем временам, как это ни странно теперь покажется, в театральном мире это было дерзостью, которую столпы не прощали.

Здание для театра нашлось. Это была старая постройка, возведенная по поручению московских купцов художником-декадентом М. Дурновым... В нем еще теплилось несколько неразворованных ламп... трескались капитальные стены, бездействовало отопление, лопались водопроводные трубы, вода замерзала, растекаясь вдоль стен, подвал заливался канализационной жидкостью; по мокрой штукатурке, ускользая сквозь перетертую изоляцию проводов, шустро утекал электрический ток, и в самом темном углу здания, торжествуя всеобщим забвением, неусыпно вращался якорь электрического счетчика.

...Сезон открылся поздно: к октябрьским торжествам, т. е. 7 ноября. Если вспомнить, что Мейерхольд приехал в Москву только в конце сентября того же года,— увидим, что на организацию театра и подготовку первого спектакля потребовалось времени не больше месяца. Скорость работы объясняется тем, что постановка «Зорь» Верхарна была намечена Мейерхольдом уже давно (в 1919 году), и остановка была только за материальной частью спектакля да разучиванием его актерами.

...Приступая к созданию нового театра, Мейерхольд решил повернуть его к истоку и взять за отправную плоскость ту же площадь, но уже не торговую, а площадь современных этому театру городов советских республик. Не площадь торга и коммерческих состязаний (хотя бы и состязаний певцов), а площадь митингов, демонстраций, политического агона представителей — ораторов от различных партий, ведущих борьбу за власть классов, их делегировавших... Был выдвинут принцип подвижности текста в ходе самого представления: публике было предложено принимать участие в действии, внося в него свои «цвишенруф» (реплики.— **Нем.**), а при случае и организованное выступление на сценической площадке для прочтения ли какого заявления или для дефилирования в качестве демонстрации. Постройка спектакля оказалась настолько прочной, что она с легкостью выдерживала эти вводные эпизоды и оправдывала вывешенное в вестибюле объявление, которым публика приглашалась не стесняться выражением своей оценки спектакля, хлопать и свистеть, когда ей заблагорассудится, входить и уходить из зала, когда она найдет нужным, разговаривать и шуметь там же, насколько ей это будет угодно.

...Митинг, вошедший на подмостки со спектаклем «Зорь», таким образом не прекращался и в дни перерыва спектаклей. Площадь вошла в театр, некогда с нее сошедший, и в нем укрепилась...

Тем временем был окончательно решен вопрос о постановке «Мистерии-буфф» Маяковского. Длительная и ожесточенная кампания предшествовала этой постановке. Много митингов и диспутов было ей посвящено, много чернил пролито, и бедная бумагой тогдашняя пресса не раз потеснилась общеполитическими статьями, давая место обсуждению этой темы. Еще до осуществления этой работы (ленинградскую постановку Москва не знала, знать не хотела и упорно говорила о невозможности осуществления такого спектакля) спор о ней принял крайне страстную форму. В спор были вовлечены и старые партийные работники, но единства мнения и тут не достигли. Самое понятие революционного спектакля практически еще не оформилось: театр Мейерхольда имел только несколько месяцев от роду, и понадобились годы его деятельности, быстрые годы долгой и тяжелой борьбы, для того чтобы дать практическое обоснование тезисам, которые в отвлеченной форме воспринимались всеми, но толковались согласно сложившемуся у каждого вкусу. О вкусах же спорить можно очень долго, и спор этот, как замечено, несмотря на всю его страстность, к положительным результатам не приводит.

...Репетиции «Мистерии-буфф» происходили уже на воздухе. Зима заморозила каменный театр, он теперь оттаивал: говорить в нем было опасно. Даже театральные плотники временно были сняты с работы на сцене: установка сколачивалась во дворе, и только автор пьесы В. Маяковский сражался на солнечной стороне промозглого здания с костюмерами, которые «делали не так».

В раковине бывшего увеселительного сада «Аквариум» велись репетиции мизансцен «Мистерии-буфф». Лужи в саду иногда были подернуты ледяной корочкой, актрисы и актеры в летних костюмах быстро двигались по немногочисленным ступенькам эстрады, а совсем больной Мейерхольд с уцелевшей каким-то чудом (топливный кризис!) скамейки планировал и учил.

Эта идиллия тем не менее приводила в ужас многих. Особенно людей, за недосугом никогда Маяковского не читавших, знавших о нем только по довоенным сплетням желтой прессы, репортеры которой своевременно нагоняли строку на пережевывании полудетских шалостей поэта. «Мистерия-буфф» казалась попранием тем более недопустимым, что человек с репутацией Маяковского осмелился прикоснуться к такой нежной и хрупкой вещи, как пролетарская революция...

Многолюдность постановки требовала частых замен, роли были коротенькие, «мизансцены прочные», вводиться было нетрудно, и стало наблюдаться необычное явление. Многие из актеров других театров, завернувшие на «эту скандальную мистерию», предлагали свои услуги и выпрашивали позволение то прочитать «Машиниста», то «сыграть Разруху». К ужасу «благомысленной» части артистической Москвы, в числе таких перебежчиков оказывались даже сотрудники академических театров. Это было тем возмутительней, что такие актеры и до и после своего выступления на установке Лавинского—Храковского в костюмах Киселева — Маяковского подвергались воздействию всей рабочей атмосферы Театра РСФСР Первого и его специфической публики — рабочих и красноармейцев, заполнявших три четверти зала (если не все девять десятых)...

Пока шла «Мистерия-буфф», началась работа над «Риенци». Аудитория театра ширилась, ширились и постановочные планы, разрасталось место действия и перерастало размеры сценической площадки. Макет Якулова отвоевывал у зрителя все больше места. Просцениум далеко выдвигался в зал, мостки перекидывались в ложи бельэтажа, действие приобретало грандиозность, перераставшую возможности скромного театрального здания. Если зимой площадь вошла в театр — весенняя работа выносила театр на площадь. Недаром «Мистерию» репетировали в саду...

Но «Риенци», замышленный как трагедия на музыке, требовал оркестра. Хор трубачей, обслуживавший до того «Зори» и «Мистерию», не был в состоянии справиться с вагнеровской партитурой — нужен был симфонической ансамбль. Он явился. Оркестранты Большого академического театра (!) явились в Театр РСФСР и заявили, что берутся играть в этой постановке, не выдвигая никаких условий материального вознаграждения.

Театр РСФСР Первый числился, как мы знаем, в МОНО. У МОНО, ясное дело, на постановку «Риенци» денег не имелось, да и постановка, рассчитанная как торжественный спектакль для конгресса Коминтерна, выходила за пределы заданий МОНО: пришлось обратиться за поддержкой к Главполитпросвету. С этого начался новый период...

Неожиданный оборот дела не подорвал энергии коллектива. В ожидании вопроса о разрешении возникших затруднений готовый уже для выноса на сцену спектакль продолжали подчищать и готовить, а на сцене, убрав передние части постройки «Мистерии-буфф», стали репетировать переработанный текст ибсеновской комедии «Союз молодежи», получивший и новое название — «Авантюра Стенсгора».

Репетиции шли быстро, с большим подъемом, и спектакль на сцене, ограниченной несколькими фанерными листами, и на ровном полу был скоро показан публике. Для труппы он сыграл большую роль, заставив актеров от декламации перейти к разработанным оттенкам прозаического диалога, проводимого в ритме движения и согласованного с музыкальным фоном.

Спектакль шел весело и с большим подъемом, переговоры с ГПП (Главполитпросвет.— **Ред.**) подвигались довольно успешно, переход театра в его ведение казался делом решенным, любезностей говорилось много, но комиссия Губполитпросвета внезапно вынесла решение — Театр РСФСР Первый закрыть и воспретить все его постановки. Решение было принято с необычайной поспешностью, обсуждение его обставлено тайной, свойственной процессам о величайших государственных преступниках, а мотивы оставались загадочными. Видимо было, что комиссия спешила и никому не хотела уступить чести закрытия Театра РСФСР Первого.

К вящему своему огорчению, она все-таки опоздала — злокозненный театр уже перешел в ведение ГПП и ускользал от воздействия ГУБПП...

Полугодичная работа Театра РСФСР Первого закончилась. Лето вступило в свои права — сезон закрылся. Измученный и совершенно больной, Мейерхольд дохаживал свои путешествия по канцеляриям, получая уверения во всемерной поддержке такого замечательного театра, как созданный им, и категорические обещания произвести погашение задолженности по сметам не позже середины сентября. Туберкулез, к которому он издавна чувствовал склонность, мстил ему теперь за дерзкую попытку осушить развалины театра Омона собственными легкими — открытая рана на плече была достаточно красноречивым тому свидетелем. Он поехал залечить ее крымским солнцем.

Публикацию подготовили
Н. ПАНФИЛОВА
и О. МИЧАСОВА.

В. Мейерхольд в группе выпускников ГЭКТЕМАСа (среди них З. Райх, Э. Гарин, Н. Охлопков, Н. Экк, В. Федоров).